

А. Н. НЕЧУХРИН, С. П. РАМАЗАНОВ

**СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ
«КРИЗИС ИСТОРИОГРАФИИ»**

Среди дискуссионных проблем отечественной исторической науки редко какая вызывала столь неоднозначные суждения как проблема «кризиса историографии». Поставленная еще на рубеже XIX—XX вв., она не нашла однозначного решения и по сей день. Более того, события 90-х гг. XX в., развал СССР, ликвидация монополии КПСС на власть, отказ от марксизма как официальной идеологии, заставили посмотреть на проблему кризиса глазами не отстраненного наблюдателя, а участника процесса. Все эти явления и являются показательными для кризисного состояния науки, а потому интерес к теоретической постановке кризиса в историографии заметно обострился. В белорусской историографии данная проблема поставлена в статьях В. С. Кошелева, В. П. Грицкевича, А. Н. Нечухрина и др. В российской историографии завязалась целая дискуссия по современному состоянию исторической науки, а трактовка «кризиса» приобрела особую остроту. Если прежде данное понятие советскими историками применялось преимущественно для характеристики развития «буржуазной науки» XX в., то теперь ученые единодушно заговорили о глубоком теоретико-методологическом кризисе современной постсоветской историографии, даже о ее однозначном упадке. В свою очередь, применительно к западной науке, кризис некоторые авторы рассматривают как кризис ее роста. Сказанное, безусловно, требует приближенного анализа выдвинутых точек зрения, а также корреляции самого понятия «кризис». Это тем более важно, что при отсутствии обоснованной дефиниции данного понятия его нередко используют как оценочное для характеристики позиций своих оппонентов в научных дискуссиях о путях развития отечественной историографии.

В 90-х гг. в большинстве случаев кризис трактуется как явление, показательное для развития исторической науки в целом. В исследованиях

М. А. Барга, А. Я. Гуревича, И. Д. Ковальченко, Б. Г. Могильницкого, А. Н. Нечухрина, С. П. Рамазанова, В. С. Кошелева и других подчеркивается, что кризис охватывает не только постсоветскую науку, но и мировую и носит методологический характер. Уточняя свои позиции, что современный кризис является «такой поляризацией теоретико-методологических взглядов и подходов, следовательно, и конкретно-исторических концепций, которая во многих аспектах разрывает единство коренной сущности исторического познания», состоящей в направленности «на получение истинных знаний». Однако историком не определяется, на каком уровне развития историографии происходит «поляризация» и в каких аспектах возникает «разрыв» «единства коренной сущности исторического познания».

И. Д. Ковальченко также усматривал кризис современной историографии в ее чрезмерной специализации, ведущей, по его словам, к утере исторической наукой общих целей, своего фокуса, что препятствует коммуникативным связям историков. То есть история, по мнению методолога, утрачивает свою целостность¹. В данном положении отчетливо проявилось постоянное стремление И. Д. Ковальченко к историческому синтезу. Вряд ли можно согласиться с утверждением авторитетного ученого об особом обострении кризиса исторической мысли во второй половине XX ст.

Исторический синтез в качестве центральной проблемы кризиса мировой историографии выдвигался М. А. Баргом и Б. Г. Могильницким. По мнению М. А. Барга, чрезмерная специализация истории ведет к размыванию ее предмета исследования, вплоть до вопроса: «Существует ли вообще “территория историка”?»². Б. Г. Могильницкий убежден, что, поставленная еще в 1900 г. проблема исторического синтеза именно в наши дни «приобретает особую актуальность, будучи непосредственно связанной с перспективами самого существования истории как научной дисциплины»³.

Об этом же писал и А. Я. Гуревич, одновременно предупреждая, что историософия себя дискредитировала. Признавая, что понятие «кризис» отражает развитие мировой исторической науки на определенных этапах, что кризис это нормальное явление, означающее отсутствие стагнации науки, названные авторы справедливо полагают, что кризис западной и постсоветской историографии нельзя отождествлять. В разных исторических условиях кризис приобретает различное содержание и проявляется неодинаково. Для современной историографии в целом, указывает А. Я. Гуревич, причина кризиса в «утрате мировой цивилизацией ясной перспективы, крахе идеологий, которые еще недавно давали ориентиры, угрозе гибели человечества в огне ядерного апокалипсиса или вследствие экологической катастро-

фы», что вызвало «растерянность многих историков»⁴. Две мировые войны, тоталитаризм, национализм, падение авторитета научного знания, все это, по мнению историка, способствовало подрыву веры в фундаментальную идею прогресса.

Что касается российской историографии конца XX в., то на ее развитии, по мнению методолога, сказался острый общественно-политический кризис и серьезное отставание от западной науки в теоретико-методологической сфере. Ученый отмечает, что марксизм в отечественной историографии сочетался с позитивизмом конца XIX в., игнорировались проблемы теории исторического познания, поставленные еще неокантианцами. Отсталость и застой усугублялись почти полной неосведомленностью относительно достижений мировой исторической мысли, что порождало духовный провинциализм. Кроме того, в советской историографии возбранялось выходить за пределы глобальной схемы прогрессивной смены формаций, а само понятие «формация» интерпретировалось в качестве объективной реальности. В итоге марксистская историография оказалась дискредитирована. Вопросы методологии и теории познания для современной российской историографии А. Я. Гуревичу представляются решающими, речь идет о «существенной ломке привычных стереотипов и устоявшихся схем», о «назревании глубокой трансформации исследовательских методов и научных подходов. В центре кризиса стоит сам историк: ему предстоит менять свои методологические и гносеологические принципы и ориентации»⁵.

Б. Г. Могильницкий, в свою очередь, указывает, что споры в российской историографии идут по ключевым теоретико-методологическим проблемам в контексте современных общественно-политических реалий. Они касаются отношения к материалистическому пониманию истории, соотношения между формационным и цивилизационным подходами, проблем общей исторической теории и т. д. Ученый признает «крушение марксистской парадигмы истории» и связанный с этим всплеск «методологического субъективизма», однако настроен оптимистически и верит в возможность разработки новой «плюралистической парадигмы истории»⁶.

Иную научную позицию защищает А. А. Искендеров. Согласно его представлениям кризис является оценочным понятием, означающим «застой в науке», и переживает его только постсоветская историография. Существующее положение в российской историографии историк связывает «с кризисом марксизма, с материалистическим пониманием истории как единственно верным и всеохватывающим методом исторического познания», «того марксизма, который в советское время превратился в господствующую иде-

ологию и даже мировоззрение» и который «по существу вывел историю за пределы науки, превратил ее в составную часть партийной пропаганды»⁷. Стремление И. Д. Ковальченко и других известных исследователей осмыслить понятие «кризис» как общенаучную категорию, связанную с изменением коренной методологической ориентации исторического познания, А. А. Искендеров назвал «проявлением консервативного мышления» и выражением «охранительной тенденции», «сторонники которой стремятся по разным причинам сохранить статус-кво, забывая при этом не столько об интересах науки, сколько о своем положении в ней». Ученый характеризует такое стремление как попытку «приглушить остроту оценки положения, сложившегося в современной российской историографии, представить ситуацию в более выгодном свете, уйти от анализа причины и природы этого кризиса...».

Обращаясь к периоду конца XIX — начала XX в. в развитии отечественной исторической науки, А. А. Искендеров из бесспорного утверждения о том, что тогда наблюдались «интенсивные поиски новых исторических идей и новых подходов», делает весьма сомнительные выводы. По его словам, «нет оснований характеризовать состояние российской историографии конца XIX — начала XX в. как кризисное», «...сама постановка проблемы кризиса ... в значительной мере имела искусственный характер, преследовала цель полностью ее дискредитировать и доказать, что подлинного расцвета историческая мысль достигла лишь в советское время». Вряд ли есть смысл отрицать, что идеологический компонент входил в содержание дискуссий в советской историографии о природе и сущности кризиса российской исторической науки рубежа XIX—XX вв. Об этом свидетельствуют предыдущие работы самого А. А. Искендера. Однако, при известной идеологической заданности подходов к проблеме, уже в советской историографии 70—80-х гг. утвердилось понимание кризиса в качестве «переломного момента» в развитии науки, т. е. понятия, необходимого для характеристики внутреннего развития науки как сферы человеческой деятельности, нацеленной на получение нового знания.

Следует учесть, что понятие «кризис исторической науки» отнюдь не является злокозненной выдумкой советских ученых. Оно было выработано и получило широкое распространение в немарксистской историографии на рубеже XIX—XX вв. В отечественной науке проблема кризиса получила обстоятельную разработку в трудах Р. Ю. Виппера, Д. М. Петрушевского, Е. В. Тарле и других видных всеобщих историков. Они отмечали теоретико-методологический характер кризиса современной им науки и рассматрива-

ли его как нормальный процесс, характеризующий ее развитие. Преодоление кризиса они видели на пути привнесения в научно-исторический анализ теоретико-познавательной точки зрения, создания методологии истории, пересмотра укоренившихся в истории и социологии схем и терминов, отказа в итоге от позитивистской точки зрения, с присущими ей «догматизмом», «метафизичностью» и «схоластичностью». В западной историографии кризисное состояние историографии определенно фиксируется с 20-х гг. XX в. Как указывает Б. Г. Могильницкий, «это был кризис ее социальной функции, проявившийся в остром осознании утраты ею своей полезности для общества»⁸.

Кризисное состояние исторической науки констатируют и западные исследователи. Например, директор Дома наук о человеке М. Эмар связывает кризис с общественным характером истории и поисками на методологическом уровне. Он отмечает, что история во многом обманула общественные ожидания — давать научную характеристику общества и прогнозировать будущее, что она ориентировала общество на ложные ценности. Кризисные явления в исторической науке связываются ученым с трудностями, переживаемыми современным обществом, утратой им социальной уверенности в правильности избранного исторического пути. В то же время подчеркивается, что речь идет о возможности преодоления кризиса, достижении позитивных результатов. М. Эмар справедливо указывает, что, благодаря глобализации самого общества, современная наука становится единой, преодолевает национальную и государственную замкнутость⁹.

О «кризисе истории» пишут и Ж. Ле Гофф и Н. Русселье в коллективном труде «История и специальность историка во Франции. 1945—1995» (1995), подводящем итог 50-летнего развития французской историографии. Кризис истории связывается ими с общим кризисом социальных наук и современного общества. Признаки кризиса французской историографии они усматривают, прежде всего, в исчерпанности методологических подходов, свойственных школе «Анналов», а также марксизму и структурализму.

Вряд ли целесообразно умножать примеры и доказывать очевидное, что кризис в различной степени показателен для развития всей современной историографии, хотя несомненно, что в постсоветской науке он принял в 90-е гг. XX в. особо острую форму. По своему характеру кризис является теоретико-методологическим и связан с системным кризисом общества. Есть основания рассматривать кризис не в качестве летального, а как процесс обновления в науке, а вопросы методологии и теории истории — определяющими на этом пути.

Для понимания сущности методологического кризиса в историографии один из авторов — А. Н. Нечухрин — применяет категорию «смена парадигм». Понятие «парадигма», введенное впервые Т. Куном, употребляется А. Н. Нечухриным в качестве совокупности убеждений, ценностей и связанных с ними признанных научных достижений, дающих модель постановки и решения проблем научному сообществу. Категория «парадигма» в большей степени связывает развитие историографии с общим духовным производством, выражает влияние на историю естествознания и искусства, подчеркивает степень распространения среди профессиональных историков определенных методологических установок и общеисторических представлений и идей.

Данная категория «прижилась» в историографических исследованиях. В качестве «ключевого понятия» истории исторической мысли ее рассматривает Б. Г. Могильницкий. Ученый определяет парадигму как «совокупность общенаучных и общемировоззренческих представлений, составляющих образ истории, доминирующих в течение более или менее длительного времени». При этом он подчеркивает, «что «парадигма» и «кризис» являются фундаментальными понятиями каждой науки, на языке которых можно описывать происходящие в ней масштабные перемены»¹⁰. О «смене научно-методологических парадигм в конце XIX — начале XX в.» пишет О. В. Сеницын¹¹. Признается понятие «парадигма» в качестве атрибута отдельных исторических школ и Г. П. Мягковым¹².

Другой автор — С. П. Рамазанов — считает более удачным выделять ведущие на определенном временном промежутке методологические течения, в рамках смены которых и происходит ломка представлений о цели, форме, способе исторического знания. Такие течения, по мнению С. П. Рамазанова, объединяют в себе группу историков и философов с кардинально общими взглядами на природу, принципы и методы исторического познания. Отправными пунктами для выделения ведущих течений должно, по его мнению, стать фиксирование определяющей роли выдвигаемых течением идей в методологических дискуссиях, силы их влияния на теоретические поиски ученых, широты их распространения в процессе обучения и учебной литературе, в которой закрепляются достижения научного творчества и формируется база его традиционных устоев¹³.

По мнению А. Н. Нечухрина, «парадигма» как понятие не противопоставляется «течению» либо «направлению», но рассматривается как их мировоззренческая и исследовательская программа, установка, что определяет роль «парадигмы» в раскрытии содержания историографических кризисов.

Оба автора статьи согласны в том, что историческое познание обладает спецификой, обусловленной своеобразием субъектно-объектных отношений в исторической науке. Она проявляется в более тесной и широкой взаимосвязи, чем в естествознании, истории и современности, оценочном характере исторического объяснения, стремлении к целостной исторической реконструкции человеческой деятельности, большей значимости для истории интегральных связей с философско-методологическими принципами исследования. Поэтому невозможно отождествлять развитие исторического и естественнонаучного знания. Специфика исторического познания обуславливает то, что кризисы в исторической науке, разворачивающиеся даже на ее концептуальном уровне, могут охватывать лишь отдельные направления и школы и вовсе не затрагивать не принадлежащих к ним ученых. Такие кризисы представляют собой ломку прежних коренных установок, на которых основывалась историческая наука. Распространению релятивистских и иррационалистических идей в современной науке особо способствует иррациональный характер развития общества в XX—XXI вв.: непредсказуемое будущее заставляет нас сомневаться, правильно ли мы понимали и вопрошали прошлое. Что касается советской историографии, то по своей методологической сущности она принципиально не отличалась от позитивизма XIX в. и сама по себе не несла кризисных потенциалов. За границы научного знания советскую историческую выводила ее конъюнктурная ориентация на государственную коммунистическую идеологию в условиях тоталитарного режима.

Магистральным путем выхода из кризиса для И. Д. Ковальченко стало утверждение плюралистического подхода к истории, под которым он понимал синтез различных теорий исторического процесса, преодоление поляризации мировой исторической науки из-за ее идеологизации и восстановление в итоге «единства мирового исторического процесса». Он предложил отобрать все самое ценное у различных школ и направлений, а не отбрасывать одно

видение, как правило, марксистское, взамен другого, как правило, субъективно-идеалистического¹⁴. Как верно отмечает Б. Г. Могильницкий, центральной темой И. Д. Ковальченко стал методологический плюрализм в качестве исходного принципа исторического анализа¹⁵.

Н. И. Смоленский также признает неизбежность перехода к плюрализму в области методологических основ исторических исследований. Однако методолог справедливо указывает, что в глаза бросается не только частота употребления данного понятия, но и то, что «его содержание лишено необходимой определенности». «В основе плюрализма, — по его мнению, —

41

может быть то, что в качестве предмета исследования избираются разные стороны одного и того же явления или процесса или же явление исследуется с разных позиций. Так что это не может быть плюрализмом не связанных между собой интерпретаций»¹⁶. Плюрализм — одно из условий наиболее адекватного варианта исторической теории, но не самоцель. Н. И. Смоленский с этой точки зрения предупреждает о бесплодности попыток ряда исследователей «усовершенствовать» материалистический подход к историческому процессу путем простого заимствования из других теоретических систем либо «избавления» его от «односторонности» выделения ведущей роли в истории экономических структур. Подчеркивание теоретической значимости других факторов нематериального характера, пишет ученый, сомнительно: «такая постановка вопроса может быть продуктивной в конкретно-историческом, а не в теоретическом плане». Сила материалистической теории в том, что она имеет «завершенный вид», заключает историк, и есть только один способ ее опровержения: «найти и обосновать иную, более глубокую и общую основу общественных отношений... Современное историческое мышление нуждается в такой теоретической картине всемирно-исторического процесса, которая была бы шагом вперед в понимании этого процесса как единства многообразия... Все это подводит к моноплюралистическому варианту понимания мировой истории».

Против того, чтобы «просто выбросить марксистскую теорию за борт отечественной историографии», возражает и А. А. Аникиев. Он поддерживает стремление И. Д. Ковальченко к «синтезу философско-исторических концептуальных подходов и построений»¹⁷. В. Ф. Мамонов считает необходимым прежде всего серьезное исследование основополагающих проблем философии и методологии истории, «создание не просто “оригинальных”, а научно состоятельных концепций российской и всемирной истории или, по крайней мере, контуров таких концепций»¹⁸. Он указывает, что сегодня осуществляются попытки, как разработки отдельных самостоятельных концепций — линейной (формационной), цивилизационной, евразийства, — так и их синтеза. Впрочем, по мнению В. Ф. Мамонова все эти поиски на сегодняшний день нельзя признать результативными. Ученый не без оснований заявляет, что «в обозримом будущем в российской исторической науке... будут существовать и конкурировать различные концепции, во многом даже противоположные между собой. Означает ли это, что у историков-исследователей «исчезает твердая почва под ногами»? Думается, нет. По крайней мере, если доминирующие в исторической науке течения будут строиться на основе научного подхода к исследованиям.

42

Идея исторического синтеза как путь выхода науки из кризиса стала наиболее популярной среди российских историков. Вслед за И. Д. Ковальченко к «плюралистическому синтезу» в истории призывает Б. Г. Могильницкий¹⁹. Л. П. Репина в синтезе, «целостности исторического познания» видит ведущую тенденцию современной историографии²⁰. Ратуя за идею исторического синтеза, В. Н. Сидорцов выступил инициатором междисциплинарного подхода в белорусской историографии²¹.

Развернутую трактовку своего видения выхода истории из кризиса представил А. Я. Гуревич. Синтез методолог понимает в качестве сверхзадачи исторической науки, определяя его как целостное, системное постижение общества. Синтез — это перспектива, к которой стремится история, причем необходим такой новый синтез, «который мог бы объединить идеальное и материальное в их взаимном переплетении»²². По мнению теоретика, историки не могут далее ограничиваться только рационально сформулированными идеями и недооценивать эмоциональные и иррациональные феномены. Нам необходимо, полагает А. Я. Гуревич,

переориентироваться на изучение простого человека, понять феномены прошлого «изнутри», в рамках исторического контекста. Исследователь полагает вполне закономерным и необходимым вызревание в рамках традиционной исторической науки «социально-культурной антропологии», которая позволит постичь конкретно-исторического индивида, каким он был в те или иные периоды истории, каким его формировали культура и общество его времени.

Особое внимание А. Я. Гуревич обращает на необходимость разработки собственной гносеологии исторического знания. «В противоположность философии, социологии и политической экономии, — отмечает ученый, — история — наука не об общих законах, а о конкретном и индивидуальном, уникальном и неповторимом, хотя историки по необходимости применяют общие понятия и категории, которые даны им культурой и языком»²³. При этом он предупреждает, что «не нужно страшиться релятивизма и видеть в нем признак кризиса исторической мысли»²⁴. Таким образом, историк настроен оптимистично и верит, что наблюдаемый ныне кризис историографии «есть не что иное, как кризис роста».

Свой рецепт разрешения кризисной ситуации представляет Б. Г. Могильницкий, предлагая от глобальных проблем перейти к более конкретным, но не менее важным. Продолжая свои исследования прежних лет, методолог полагает необходимым вернуться к вопросу о конкретной исторической закономерности как предмете исторической науки. Постановка данного вопроса, по мнению ученого, вытекает из современной историографической

ситуации, характеризующейся «бурно прогрессирующим расширением предметного поля истории, которое ведет к его размыванию и фрагментаризации самой исторической дисциплины»²⁵. Б. Г. Могильницкий убежден, что категория исторической закономерности выполняет «важную интегративную функцию в изучении прошлого». Синтезируя в себе многообразные исторические явления и процессы, она, по словам ученого, «очерчивает контуры предметного поля исторической науки» и в этом своем качестве «может служить самоидентификации истории как особой области научного гуманитарного знания». Историческая закономерность — это «своеобразная первичная клеточка универсальной синтезирующей истории», она «интегрирует в себе общее и особенное, необходимое и случайное, материальное и ментальное, объективное и субъективное», «обозначает в себе рамки, в которых может быть достигнута целостность исторической дисциплины». Историк трактует данную категорию в веберовском смысле, в качестве идеально-типического понятия, «умственной конструкции», создаваемой исследователем для осмысления исторической действительности. В этом плане показательна та высокая оценка, которую российский ученый дает методологическому наследию М. Вебера и прежде всего его учению об «идеальном типе». Таким образом, предлагаемое Б. Г. Могильницким понимание предмета исторической науки ориентирует историков на «выявление создаваемых в процессе исторической деятельности человека конкретных в своей пространственно-временной определенности исторических закономерностей»²⁶.

Безусловно, что поиск исторических закономерностей — заманчивая вещь, однако, крайне сложная и проблематичная. До настоящего времени любая «выявленная» закономерность носила лишь вероятностный характер. Установление подобной закономерности происходило только по отношению к прошлому и не выходило за рамки гипотезы. Не случайно, что историки не спешат с объявлениями об установлении ими исторических закономерностей. Поэтому признать рассматриваемую категорию в качестве предмета исторической науки — значит поставить ее в затруднительное положение. История — наука, преимущественно объясняющая и индивидуализирующая. Теоретическая работа, конечно, играет в ней огромную роль; сравнения и обобщения — необходимый компонент исторического исследования, но не открытием тех или иных закономерностей в конечном счете определяется ценность исторической работы. В то же время, плодотворной представляется идея Б. Г. Могильницкого о той пользе, которую может принести понятие исторической закономерности в качестве инструмента по-

знания, если рассматривать его в идеально-типическом смысле. Именно в концепции М. Вебера, стремившегося соединить идиографизм неокантианства с генерализирующей по своей

ориентированности теорией идеальных типов, были обозначены пути выхода из методологического кризиса исторической мысли начала XX в.

В этом же направлении работают некоторые идеи постмодернизма, пытающегося сбалансировать то ценное, что содержится в ранее противостоящих друг другу методологических подходах. Развитию исторического знания способствует отрицание постмодернизмом неоспоримых теоретических предпосылок и закономерностей, его неприятие «фундаментальных нарративов», т. е. недоверие к абсолютным или универсальным и всеобъемлющим теоретическим системам, а также его критика рационального единого субъекта, который был основой западной мысли с XVII в. Эпоха постмодернизма, справедливо указывает В. Н. Сидорцов, «нанесла сокрушительный удар по замкнутости и самодостаточности отдельных наук, сделала междисциплинарность действительно реальной»²⁷.

Было бы крайне наивным ожидать, что кризис исторической мысли в обозримом будущем будет «преодолен» и будет, наконец, создана некая универсальная система вроде позитивизма XIX в. либо марксизма. Синтез как органическое соединение позитивных элементов разнородных концепций представляется маловероятным. Будущее исторической науки, очевидно, будет определяться многообразием методологических подходов и исторических концепций, ни один из которых не сможет претендовать на универсальность.

¹ Ковальченко И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований: Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 3—4.

² Барг М. А. «Анналы» и междисциплинарные методы исторического познания // Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг школы «Анналов». М., 1993. С. 67.

³ Могильницкий Б. Г. Об исторической закономерности как предмете исторической науки // Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 4.

⁴ Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2—3. С. 21.

⁵ Там же. С. 35.

⁶ Могильницкий Б. Г. В поисках новой парадигмы истории: последние работы И. Д. Ковальченко // Материалы научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. М., 1997. С. 177.

⁷ Искендеров А. А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 7—8, 11, 15, 30.

⁸ Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. 1: Кризис историзма. Томск, 2001. С. 77.

⁹ Эмар М. Образование и научная работа в профессии историка: современные подходы // Исторические записки. Т. 1 (119). М., 1995. С. 22.

¹⁰ Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. 1: Кризис историзма. Томск, 2001. С. 9.

¹¹ Сеницын О. В. Неокантианская методология истории и развитие исторической мысли в России в конце XIX — начале XX в. Казань, 1998. С. 34.

¹² Мягков Г. П. Научное сообщество в исторической науке. Казань, 2000. С. 97—98.

¹³ Рамазанов С. П. Кризис в российской историографии начала XX века. Ч. 1. Волгоград, 1999. С. 38—39.

¹⁴ Ковальченко И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований: Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 3—5.

¹⁵ Могильницкий Б. Г. В поисках новой парадигмы истории: последние работы И. Д. Ковальченко // Материалы научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. М., 1997. С. 173.

¹⁶ Смоленский Н. И. Проблемы теоретического плюрализма // Новая и новейшая история. 1998. № 1. С. 11, 17—18.

¹⁷ Аникиев А. А. О некоторых вопросах современной методологии истории // Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 170.

¹⁸ Мамонов В. Ф. В поисках твердой почвы // Новая и новейшая история. 1996. № 6. С. 64, 70.

¹⁹ Могильницкий Б. Г. В поисках новой парадигмы истории: последние работы И. Д. Ковальченко // Материалы научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. М., 1997. С. 180; Его же. Методология истории в системе университетского образования // Новая и новейшая история. 2003. № 6. С. 4.

²⁰ Репина Л. П. Социальная история на пороге XXI века: от междисциплинарного анализа к новому историческому синтезу // Социальная история: проблемы синтеза. М., 1994. С. 3.

²¹ Сидорцов В. Н. Методология исторического исследования (механизм творчества историка). Минск, 2000.

²² Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2—3. С. 28.

²³ Гуревич А. Я. Двоякая ответственность историка // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 74—78.

²⁴ Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2—3. С. 31—32, 35.

²⁵ Могильницкий Б. Г. Об исторической закономерности как предмете исторической науки // Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 3.

²⁶ Там же. С. 15.

²⁷ Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы: Учеб. пособие. Минск, 2002 .